

Э. В. Шавкунов

**О СЕМАНТИКЕ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ
И НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ОРНАМЕНТА НА КЕРАМИКЕ
С ШАЙГИНСКОГО ГОРОДИЩА**

В результате археологических исследований на Шайгинском городище, одном из крупных торгово-ремесленных центров второй половины XII в. в восточной части чжурчжэньской империи, было собрано большое количество материала, разносторонне характеризующего быт, культуру, хозяйство коренного населения Приморского края в эпоху раннего средневековья. Особый интерес представляет керамический материал, изучение которого порой дает весьма неожиданные результаты.

Так, рассматривая имеющиеся на чжурчжэньских сосудах знаки, мы пришли к выводу, что последние далеко не всегда являются тамгами и что в зависимости от целого ряда чисто внешних характеристик, в том числе и от места их расположения, они несут различную семантическую нагрузку.

По технике исполнения все тамгообразные знаки на керамических сосудах можно подразделить на две категории. К первой относятся знаки, оттиснутые на сосуде до обжига по сырой глине с помощью специальных штампов, а ко второй — выполненные техникой граффити, причем в последнем случае знаки наносились как до обжига, так и после обжига сосудов. Можно также систематизировать по трем группам все известные нам тамгообразные знаки по месту их расположения на сосудах.

К первой мы отнесли все знаки, которые нанесены на доньшки сосудов, ко второй те, которые нанесены на плечики вблизи горловины, а также на наиболее широкой части сосудов, т. е. в месте соединения стенок сосуда с плечиками. И наконец, к третьей группе мы отнесли знаки, которые нанесены на нижней или верхней части стенок сосудов.

Знаки первых двух групп отличаются исключительным однообразием, и почти все они нанесены до обжига сосудов по сырой глине. Анализ этих знаков показывает, что они имеют совершенно отличное от тамг происхождение и несут иную семантическую нагрузку.

Знаки третьей группы встречаются наиболее часто и характеризуются большим разнообразием рисунков. Знаки эти выполнены техникой граффити, причем в основном после обжига сосудов. Последнее обстоятельство позволяет отнести знаки третьей группы к тамгам, т. е. к личным клеймам хозяев этих сосудов, возможно, ремесленников-гончаров.

Рассмотрим знаки первой группы. Уже тот факт, что все они помещены на доньшках сосудов, говорит об их отличном от тамг назначении. Как известно, любая тамга удостоверяла принадлежность той или иной вещи конкретному лицу. В связи с этим ее, естественно, стремились поместить на самом видном месте, чего никак нельзя сказать о знаках первой группы. Следовательно, и назначение этих знаков должно быть совершенно иным. В пользу такого предположения свидетельствует характер знаков. Так, все известные к настоящему времени знаки на доньшках сосудов с Шайгинского городища представляют собой, за исключением двух (об одном из которых речь будет идти ниже), изображение

простого или усложненного креста. Изображение простого креста в виде двух взаимопересекающихся диаметров доньшка встречены на корчажке из жилища № 18 и, судя по сохранившимся фрагментам, на каком-то огромном сосуде из мастерской № 6. Изображение усложненного креста в виде двух взаимопересекающихся простых крестов (восьмилучевой крест) имеется на доньшке сосуда, обнаруженного на хозяйственном дворе жилища № 9. Еще один небольшой восьмилучевой крест, вокруг которого был прочерчен круг, имеется на доньшке сосуда из жилища № 21.

Изображения крестовидных знаков на доньшках сосудов распространены в древнем мире довольно широко. Они встречаются на керамике из Чардары¹, салтово-маяцкой и балкано-дунайской культур², на русской керамике XVI—XVII вв.³, а также на современной среднеазиатской керамике, на которой, по мнению Е. М. Пещеревой, эти знаки сделаны в качестве своеобразных оберегов от «глаза»⁴.

В. П. Даркевич на основании богатейшего археологического и этнографического материала показал, что аналогичную роль оберегов, начиная с эпохи бронзы, играли различные солярные знаки, в основе которых лежало изображение креста, являвшегося идеограммой огня и солнечного света⁵. Вместе с тем исследователи подчеркивают, что солярные знаки имеют прямое отношение к определенным религиозно-магическим представлениям древних, в основе которых лежала широко распространенная вера не только в охранную, но и в очистительную силу этих знаков⁶.

Из работы В. П. Даркевича видно, что существовало несколько видов солярных знаков, один из которых в виде заключенного в круг креста являлся наиболее распространенной идеограммой солнца, воплощающей в себе идею неразрывной связи небесного, т. е. солнечного (круг), и земного (крест) огня⁷. Именно такую идеограмму солнца мы находим и на чжурчжэньской керамике, где в роли солнечного круга выступает само дно сосуда с заключенным внутри него простым или усложненным (восьмилучевым) крестом. В тех же случаях, когда крест был значи-

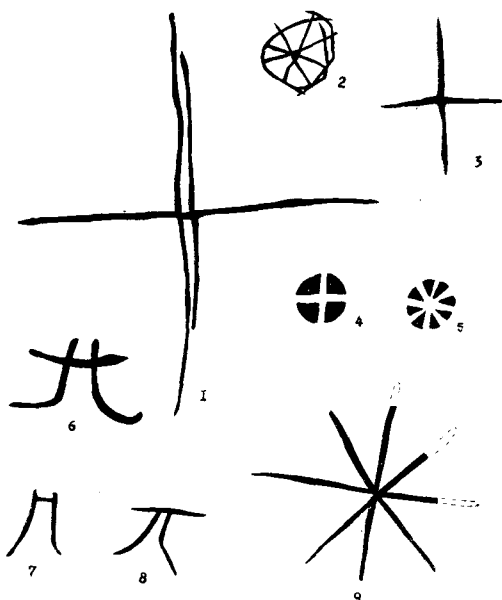

Рис. 1. Знаки на сосудах, найденных на Шайгинском городище: 1, 2, 3, 9 — простые и усложненные (восьмилучевые) кресты; 4, 5 — круглые штампы с простым крестом и восьмилучевой розеткой; 6, 7, 8 — различные знаки

¹ «Древности Чардары», Алма-Ата, 1968, стр. 200, табл. X, рис. 4.

² С. А. Плетнева, От кочевий к городам, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 142, 1967, стр. 126; И. Г. Хынку, Памятники балкано-дунайской культуры X—XIV вв. лесостепной полосы Молдавии, сб. «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии», Кишинев, 1968, стр. 113, рис. 3, 4, 5.

³ В. А. Оборин, Орел-городок, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 144, рис. 3.

⁴ Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLII, М.—Л., 1959, стр. 110.

⁵ В. П. Даркевич, Символы небесных светил в орнаменте древней Руси, «Сов. археология», 1960, № 4, стр. 57, 58.

⁶ С. А. Плетнева, Указ. раб., стр. 124—128; И. К. Свешников, О символике вещей Михалковских кладов, «Сов. археология», 1968, № 1, стр. 11—16; С. А. Есяян, Амулеты, связанные с культом солнца из Армении, «Сов. археология», 1968, № 2 стр. 255.

⁷ В. П. Даркевич, Указ. раб., стр. 60.

тельно меньше перекрещивающихся диаметров дна сосуда, вокруг изображения креста, как это видно на примере сосуда из жилища № 21, очерчивался круг. И хотя это пока единичный случай, в нем со всей очевидностью проявилось стремление подчеркнуть солярный характер данного знака со всеми присущими ему магическими свойствами.

В свете всего сказанного можно объяснить смысл встречающихся на некоторых высоких тарных вазах с Шайгинского городища (жилища № 5, 22 и 28) одиночных оттисков круглого штампа с заключенным внутри него изображением простого креста. Подобные оттиски наносились лишь на плечиках сосудов у горловины. Знаки этого вида отнесены нами ко второй группе. Такое расположение солярных знаков далеко не случайно: приписывая знакам очистительные и охранные свойства, древние и средневековые гончары ставили их вблизи горловины, полагая, что это сохранит запасы пищи от порчи.

Нередко можно встретить также и оттиски круглых розеток с семью лучами (фрагменты сосудов из жилищ № 10, 22 и 33). Поскольку подобные розетки также представляют собой символическую, хотя и несколько усложненную, идеограмму солнца⁸, а расположены они тоже только на плечиках сосудов вблизи горловины, они, несомненно, должны были нести ту же семантическую нагрузку, что и оттиски простых крестов в круге.

Кроме оттисков креста в круге и розеток (как восьми-, так и шестнадцатилучевых), на одной из тарных ваз (из жилища № 20) нам встретился знак, имеющий некоторое сходство с буквой λ греческого алфавита, нанесенный вблизи горловины техникой граффити. Следует сразу же отметить, что λ -образные знаки на чжурчжэньской керамике встречаются не реже солярных, но так как большинство из них представлено лишь на отдельных фрагментах керамики, то установить точное их месторасположение на сосудах не всегда представляется возможным. Тем не менее можно констатировать, что эти знаки встречаются примерно на тех же частях сосудов, где обычно мы находим и солярные знаки.

Если же теперь принять во внимание тот факт, что своими очертаниями λ -образные знаки почти полностью тождественны чжурчжэньской цифре 8 (а такое число мы находим на солярных знаках в виде восьмилучевых крестов и розеток), то становится очевидной связь этого знака с солярными. Кстати, аналогичный знак был обнаружен Д. Л. Бродянским⁹ на донышке светильника во время раскопок им жилища № 10 в поселении Майхэ-1 (чапигоуская культура, конец I тысячелетия до н. э.). На наш взгляд, тот факт, что λ -образный знак встречен именно на донышке светильника, да к тому же относящегося к периоду, когда ни о каком развитии гончарного ремесла как самостоятельной отрасли производства не может быть и речи и, следовательно, этот знак не является тамгой, лишь подтверждает возможную связь данного знака с культом огня и солнца. В свою очередь все сказанное выше относительно λ -образного знака дает основание полагать, что последний, возможно, был включен в состав знаков большого чжурчжэньского письма в значении солнца, огня.

Таким образом, уже предварительный анализ тамгообразных знаков на керамике из Шайгинского городища показывает, что далеко не все из них могут быть отнесены к разряду тамг и что знаки первой и второй групп несут совершенно иную, чем знаки третьей группы, семантическую нагрузку и являются широко распространенными специальными знаками-оберегами.

В связи с рассмотренным выше вопросом о назначении одиночных оттисков восьмилучевых розеток на тарных вазах, небезынтересно будет

⁸ В. П. Даркевич, Указ. раб., стр. 60.

⁹ Пользуясь случаем, выражаю свою признательность Д. Л. Бродянскому за предоставленные мне сведения.— Э. Ш.

также отметить, что аналогичные розетки, но уже в виде целого орнаментального пояса, встречаются и на некоторых других видах сосудов. Число розеток в орнаментальных поясах, судя по сосудам, которые удалось реставрировать полностью, как правило, нечетное. Так, на небольшом сосудике из жилища № 10 Шайгинского городища орнаментальный пояс состоит из девяти оттисков шестнадцатилепестковых розеток. На корчаге из того же жилища оттиснуто 17 восьмилучевых розеток в сочетании с волнистой линией, заключенной между двумя параллельными прямыми, а на корчаге из жилища № 28 их 11. Но волнистая линия в орнаментике народов Сибири и Дальнего Востока обычно символизирует небо, небесную сферу¹⁰. Следовательно, в данном случае сочетание волнистой линии, символизирующей небо, с розетками, символизирующими солнце, отнюдь не случайно, а их наличие на корчагах, использовавшихся в качестве тарной посуды для хранения продовольственных продуктов, говорит о магическом характере данного орнамента, с помощью которого содержимое корчаг защищалось от сглаза или порчи со стороны злых духов.

Говоря о магическом характере орнамента из розеток, нельзя не обратить внимание на их количественный состав. Так, число девять (а именно такое количество розеток на сосудике из жилища № 10) несомненно обладало, по представлениям чжурчжэней, какими-то магическими свойствами. В этой связи не случаен, очевидно, тот факт, что амбары-летники на Шайгинском городище поставлены на девяти столбах. Число девять встречается и в письменных источниках. Так, желая подчеркнуть богатырскую силу одного из чжурчжэньских предводителей, Хорибу, летописец пишет, что «девять человек, убитые его рукою, попадали ...один на другого. Все удивились этому»¹¹. Далее сообщается о том, что чжурчжэньские полководцы «девять раз врезывались в толстые ряды» киданьского войска¹². Число девять всегда фигурировало и у нанайцев, потомков чжурчжэней, при исполнении различных магических обрядов шаманами¹³.

Такое отношение к числу девять следует, очевидно, связывать с определенными астральными представлениями, широко бытовавшими в свое время у народов алтайской языковой семьи, отражение чего мы находим в обширном этнографическом материале. Алтайцы, например, верили, что небо, как и подземный мир, состоит из девяти слоев (по другим данным — из семи), причем девятый являлся местом обитания *Илькон ээзи*, грозного божества, творца огня и охранителя семьи и ско-

Рис. 2. Корчага с семнадцатью розетками и линейно-волнистым орнаментом из жилища № 10 Шайгинского городища.

¹⁰ С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 81, М.— Л., 1963, стр. 14, рис. 5.

¹¹ «История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233-й год». Архив Ин-та востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение), раздел 1, оп. 1, № 3, стр. 15а.

¹² Там же, стр. 40б.

¹³ П. П. Шимкевич, Материалы для изучения шаманства у гольдов, «Записки Приамурского отдела имп. Русского географического общества», т. I, вып. 2, Хабаровск, 1896, стр. 15, 26, 48, 49.

та¹⁴. Это, несомненно, то же самое, что и хакасский *Ульгень*, дух-хозяин Неба. Если же к сказанному добавить, что у кудинских бурят солнце и луна обычно изображаются в виде девяти концентрических кругов¹⁵, то связь числа девять с древним культом солнца и неба становится более или менее очевидной. Объяснения этой связи, по-видимому, следует искать также в древних космогонических представлениях, согласно которым солнце — это женщина, а луна — мужчина¹⁶. Последнее обстоятельство и дает объяснение, почему у многих народов алтайской языковой семьи, в том числе у кудинских бурят, солнце изображается, как правило, в виде девяти концентрических кругов, которые, судя по всему, соответствуют девятимесячному циклу беременности. Данный вывод, в свою очередь, дает ключ к пониманию этимологии маньчжурского слова «элгень» и нанайского «элгин», означающих обилие, изобилие, достаток, богатство¹⁷, так как связь этих слов с именем центральноазиатского духа-хозяина Неба *Ульгень* (*Ялькон*), который, надо полагать, в более отдаленные времена являлся божеством женского пола, не вызывает сомнений ни с семантической, ни с фонетической стороны.

Таким образом, исходя из всего сказанного, можно заключить, что орнамент из 9 розеток был не только своеобразным оберегом от порчи для содержимого сосуда, но и должен был способствовать тому, чтобы продуктов всегда было в изобилии. Вполне возможно, что с этой же целью амбары-летники, в которых хранились запасы пищи, чжурчжэни устанавливали на девяти свайных столбах.

Рассмотрим теперь орнамент из 17 розеток на второй корчаге. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что при нанесении оттисков чжурчжэньский гончар, по всей вероятности, немного просчитался и оттиснул на корчаге лишь 16 розеток, расположенных примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Но поскольку по каким-то соображениям требовалось именно 17 розеток, мастер, вовремя заметив свою оплошность, оттиснул еще одну розетку, пожертвовав ради нее строгой симметрией рисунка. Наряду с этим можно допустить, что 17-ая розетка дополнительная, в связи с чем ее и оттиснули, умышленно нарушив симметрию рисунка, между двумя последовательно расположенными розетками орнаментального пояса. Как бы ни было, несомненно одно: орнаментальный пояс из $16 + 1 = 17$ розеток был крайне необходим. Но для чего?

Ответ на данный вопрос можно получить, если обратиться к существовавшим еще сравнительно недавно у нанайцев, ульчей¹⁸, тувинцев¹⁹ и таджиков²⁰ системам времяисчисления, по которым сутки делились

¹⁴ Л. Э. Каруновская, Представления алтайцев о вселенной (Материалы к алтайскому шаманству), «Сов. этнография», 1935, № 5, стр. 174, 178.

¹⁵ Б. Э. Петри, Орнамент кудинских бурят, сб. МАЭ, т. V, вып. I, Пг., 1918, стр. 228.

¹⁶ Е. А. Крейнович, Очерк космогонических представлений гияк о-ва Сахалина, «Этнография», 1929, № 1, стр. 84.

¹⁷ И. Захаров, Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875, стр. 77; Т. И. Петрова, Нанайско-русский словарь, Л., 1960, стр. 161.

¹⁸ Т. И. Петрова, Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей, сб. «Памяти В. Г. Богораза», М.—Л., 1937, стр. 113.

¹⁹ Л. П. Потапов, Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя, «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. 1, М.—Л., 1960, стр. 195, 196. Здесь необходимо отметить, что 1-я и 17-я части суток в записи Л. П. Потапова имеют одинаковое название, в связи с чем, казалось бы, сутки у тувинцев состоят не из 17, а из 16 частей. Однако часть суток, обозначенная Л. П. Потаповым шестой, в действительности состоит из двух частей: *хүн үйүрлен кельди* (солнце поднялось от горизонта) и *пиче түүш* (малый полдень, время от восхода солнца над горизонтом до большого полудня). Отсюда следующая часть суток — улуг түүш, т. е. большой полдень, по счету будет уже не седьмой, а восьмой и т. д.

²⁰ М. Р. Рахимов, Исчисление времени у таджиков бассейна реки Хингоу в XIX — начале XX в. (В связи с народным земледельческим календарем), «Сов. этнография», 1957, № 2, стр. 82.

на 17 частей. Обращает также на себя внимание и то обстоятельство, что записанные А. Л. Бельковичем названия месяцев у удэгейцев дают основание считать, что у последних год когда-то состоял из 17 месяцев²¹.

Наконец, следует отметить, что во время раскопок жилища № 2 был найден бронзовый предмет с 17 отверстиями, который мы склонны считать древнейшим сезоннохозяйственным календарем народов Дальнего Востока. Точно такой же предмет был обнаружен и на поселении Синие Скалы (V—VIII вв.) в Ольгинском районе Приморского края Г. И. Андреевым и Ж. В. Андреевой²². И хотя «календарик» из Ольгинского района старше шайгинского на 500—700 лет, однако они до мельчайших деталей тождественны друг другу, что, безусловно, указывает на их чисто утилитарное назначение в качестве сезоннохозяйственных календарей.

Таким образом, у нас есть все основания считать, что в орнаменте на корчаге из жилища № 10 отразилась древняя система счисления времени, известная чжурчжэням в XII в. и широко распространенная в их повседневной жизни. С помощью этого орнамента, очевидно, охранялись от преднамеренной порчи хранящиеся в корчаге запасы пищи, если можно так выразиться, «ежечасно», т. е. в течение круглых суток, состоящих из 17 частей-часов.

К сожалению, мы пока не можем объяснить значения орнамента, состоящего из 11 розеток, оттиснутого на корчаге из жилища № 28. Основываясь на результатах анализа орнамента из девяти и 17 розеток, можно лишь предположить, что и это число имеет какую-то связь с космогоническими представлениями чжурчжэней.

В заключение отметим, что раскрытие семантики тамгообразных знаков и некоторых видов орнамента на керамике с Шайгинского городища со всей очевидностью показывает существование у чжурчжэней в XII в. ранних форм религиозных верований, теснейшим образом связанных с культом солнца и огня, с поклонением небу и небесным светилам, что и нашло свое отражение как в археологическом материале, так и в материалах письменных источников²³.

---

²¹ С. Н. Браиловский, Тазы, или удихэ, «Живая старина», вып. 3—4, СПб., 1901, стр. 408.

²² Г. И. Андреев, Ж. В. Андреева, Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 г., «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 88, М., 1962, стр. 98, рис. 31 (5).

²³ М. В. Воробьев, Религиозные верования чжурчжэней. В кн. «Географическое общество СССР, Отделение этнографии. Доклады по этнографии», вып. 4, Л., 1966, стр. 62.